

ляет собой энциклопедию и.е. языков и культур. Книга эта не имеет себе равных и охватывает в мельчайших деталях всю совокупность проблем, опираясь на исчерпывающие и надежнейшие источники, список которых насчитывает две тысячи названий. Можно уверенно утверждать, что данный труд, несмотря на свои монументальные размеры, легок для прочтения благодаря большому количеству четких подразделений, воплощающих замысел книги, и особенно благодаря указателю на двухстах страницах (имеется даже четырехстраничный «индекс к „указателям“»): с помощью всего этого можно сразу же найти то, что нужно, даже если это мелочь.

Итак, мы вправе теперь считать, что читатель хорошо подготовлен к путешествию, в которое зовут его авторы книги, ибо входить в этот мир нужно так, как когда-то проникали в огромные итоговые произведения прошлого века, например, в «Феноменологию духа»: путешественник был увлечен движением и восхищен непреодолимым натиском идей. Таково свойство великих произведений прошлого. Подобно им, эта великолепная книга, несмотря на ее современность, не только дарит нам соблазны, но и подвергает испытаниям.

Шарашидзе Ж.

Перевела с французского Гюльма О. А.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI — 1328 с.*

Фундаментальные лингвистические работы, являющиеся трудом многих лет жизни, всегда вызывают восхищение. Тем более, что со времен монументального «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» К. Бругмана и Б. Дельбрюка (Strassburg 1893—1900) обобщающих трудов по индоевропеистике не выходило. За эту сложную задачу не взялся даже А. Мейе, хотя его «Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes» намного содержательнее, чем позволяет предположить непритязательное название этой книги.

Начнем с композиции рецензируемой книги. Каждый том соответствует одной части. Первая часть, озаглавленная «Структура общиндоевропейского языка», состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен фонологической системе и морфологии общиндоевропейского языка и включает в себя четыре главы: 1) «Три серии индоевропейских смычных. Парадигматика и синтагматика» (с. 5—80); 2) «Локальные ряды индоевропейской системы смычных и сибиллянтных спирантов. Парадигматика и синтагматика» (с. 81—151), 3) «Система гласных и теория морфонологических чередований. Сонанты и „ларингальные“ в индоевропейском» (с. 152—214); 4) «Структура индоевропейского корня» (с. 215—263). Второй раздел — «Анализ грамматической структуры общиндо-

европейского языка» — содержит две главы: 5) «Прайндоевропейский как язык активной типологии» (с. 267—319) и 6) «Типология грамматической синтагматики общиндоевропейского языка» (с. 320—368). Наконец, третий раздел — «Ареальные структуры общиндоевропейского языка» — состоит из единственной главы — «Членение индоевропейской языковой области» (с. 371—428). Вторая часть — «Семантический словарь общиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры» — содержит два раздела, первый из которых — «Семантический словарь общиндоевропейского языка» — объединяет главы, посвященные названиям мира «живого» — богов, человека и животных (домашних и диких), названий растений и их ритуально-культурного использования, а также группам слов, относящихся к географической среде (климат, рельеф, метеорологическим явлениям, небесным телам), хозяйственной деятельности (земледелию, скотоводству, ремеслам, транспорту), материальному быту, структуре духовных понятий, мифологической картине мира, медицине, погребальным обрядам, счету и хронологии, поэтическим и ритуальным текстам. Второй раздел второй части — «Хронология общиндоевропейского языка. Проблема индоевропейской „прародины“ и пути миграции индоевропейских племен в исторические области расселения» — состоит из двух глав, из которых первая посвящена ареальным и хронологическим характеристикам общиндоевропейского (исследова-

* Перевод рецензии, опубликованной в «Bulletin de liaison du Centre d'études Balkaniques, 1987, № 6» [Paris].

ние ведется на основе языковых и историко-культурных данных), вторая — миграция племен. Завершая этот обзор, добавим, что во Введении (страницы, не входящие в основной текст) приводится список исторически засвидетельствованных языков и диалектов индоевропейского, здесь же сформулированы методические позиции авторов; книгу завершают обширная библиография и указатели. Отметим также ее превосходное полиграфическое исполнение.

Не ставя себе целью вдаваться в детали (что для рецензента было бы заведомо невыполнимым) займемся в первую очередь вопросами собственно лингвистическими, оставляя в стороне семантику, культуру и историю, рассмотрение которых не входит в нашу компетенцию.

Как известно, реконструкция п.-е. языка, ведущая начало со времен младограмматиков, порождает в высшей степени сложные типологические проблемы. Так, три серии смычных — глухие (p, t, k, k^w), звонкие (b, d, g, g^w), звонкие придыхательные (b^h, d^h, g^h, g^wh), которые обычно постулируют, удовлетворительны с точки зрения сравнительного языкознания и позволяют без труда обосновать консонантные системы различных п.-е. языков. Однако при более глубоком подходе можно заметить, что:

— такая система не находит типологических параллелей (авторы подвергают сомнению данные австронезийского языка келабит, описанного Блэстом, доказывая, что придыхательность в нем является позиционной),

— эту систему не сохранил ни один из п.-е. языков: имеются системы либо с четырьмя сериями смычных (глухие/звонкие/глухие придыхательные/звонкие придыхательные, например, в санскрите), либо с тремя сериями (смычных), как в греческом, где представлены глухие, звонкие и глухие придыхательные, или с двумя сериями смычных и одной серией спирантов, как в латыни, или с одной серией смычных и двумя сериями спирантов, как в германском), либо системы только с двумя сериями, как в балто-славянском.

Неоднократно предлагались различные решения этой проблемы: четыре серии смычных для индоевропейского (к сожалению, существование серии глухих придыхательных еще далеко не доказано), или же три серии, но с противопоставлением глухих (давших звонкие)/глухих придыхательных (давших звонкие придыхательные)/звонких (давших глухие), как у Х. Педерсена, или же третью серию считали глухими, сопро-

вождаемыми звонким придыханием, и т. п. Авторы рецензируемой книги выдвигают предположение о существовании глоттализиции и постулируют серию глоттализованных смычных (p', t', k' (которые позднее перешли в простые звонкие), серию звонких придыхательных и серию глухих придыхательных — различительным признаком двух последних серий является звонкость, что и ведет к известным различиям в трактовке придыхательности в отдельных языках. В книге этот тезис хорошо обоснован и представляется весьма заманчивым.

Другая типологическая проблема встает при рассмотрении вокалической системы протоиндоевропейского языка. Если постулировать, что $*i$ и $*u$ были сонантами, что $*a$, которое не участвует в чередованиях, есть результат особой «окраски» $*e/o$ после ларингала ($*H_2$) и что $*o$ в древний период не существовало, можно прийти к выводу, что прасистема индоевропейских гласных была монофонематической, содержащей обычно реконструируемую гласную $*e$, противопоставленную $\emptyset$. Однако нигде еще не обнаружено системы с одной (т. е. с фонологической точки зрения равносильной $\emptyset$) гласной (данные некоторых языков Северного Кавказа, например, кабардинского и абазинского, представляются сомнительными), и авторы не идут по этому пути, постулируя для древнейшего состояния $*i, *u$ и гласную нижнего подтема, близкую к a . Классическая система a, e, i, o, u появляется только после фонологизации позиционных вариантов. Такое построение следует признать разумным и лучше обоснованным, чем моновокалическая точка зрения.

Одна из главных идей Т. В. Гамкрелдзе и Вяч. Вс. Иванова заключается в том, что в индоевропейском существовало два класса имен, противопоставленных по признаку *активность* ~ *неактивность*, и что каждому классу соответствовал отдельный класс глаголов, причем показателями «активного» класса глаголов были $*-s/*-os$, а «неактивного» $*-om, *-t', *-t[h], *k[h]$, $-\emptyset$. Им соответствовали две серии глагольных окончаний $*-m (i), *-s (i), *-t[h]i$ и $*-Ha, *-t[h]a, -\emptyset$, представлявшие собой первичные и вторичные окончания презентного аориста и окончания перфекта и медиума в п.-е. языках. Чтобы объяснить существование окончаний 1 и 2-го лица в парадигме $*Ha$, авторы предполагают, что исконно имела только форма 3-го лица на $*-e$ и что два первых лица оформились уже после того, как противопоставление *активность* ~ *неактивность* было утра-

чено. Последнее, по мнению авторов книги, хорошо сохранилось в хеттском (глаголы на *-mi/глаголы на *-hi).

Анализируя формы актантов в связи с выделенными типами глаголов, авторы приходят к выводу, что протоиндоевропейский был, подобно некоторым современным америндейским языкам (группы на-дене, сну, тупи-гуарани), языком *активного*, т. е. не «аккузативного» и не «эргативного» типа, и что он стал аккузативным языком в более позднее время.

Идея об исконно бинарном противопоставлении в системе и.-е. глагола не нова, но соотношение ее с системой имени осуществлено впервые. Тем не менее нельзя не признать отношение праиндоевропейского к языкам «активного» типа слишком смелым. Не говоря уже о том, что языки, в которых этот тип представлен, весьма редки, следует отметить, что постулируемая авторами строго бинарная оппозиция едва ли могла быть источником смешанных структур. Кроме того, авторов как будто бы затрудняет деление глаголов на атематические и тематические, причем последние они считают позднейшей инновацией, связанной с развитием видовых противопоставлений. Природа видовых противопоставлений не уточняется. Подчеркнем, наконец, что тесное

семантическое взаимодействие перфекта и медиума не проявляется различий в их образовании. Представляется, что данные, позволяющие установить относительную хронологию парадигм на *-mi и на *-o или хронологию перфектных и медиальных форм, отсутствуют. Предположение Ф. Бадер, в соответствии с которым исконно существовала оппозиция между активным типом (*-ti) и медиальным типом (*-e), из которого развился тип тематический, не принимается во внимание. То же касается точки зрения Вл. Георгиева о существовании тройного аспектуального противопоставления длительное ~ точечное ~ результативное. Происхождение индоевропейских глагольных категорий таит в себе еще много тайн, и теория Гамкрелидзе — Иванова, как бы интересна она ни была, не исчерпывает дискуссии.

Вопросы, затронутые в настоящей рецензии, составляют, разумеется, лишь малую часть всех проблем, связанных с фактами, гипотезами и материалами этой книги, которая обещает стать самым значительным трудом по индоевропеистике второй половины XX в.

Фёйе Ж.

Перевела с французского Гюльга О. А.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультур. Ч. I — II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. XCVI + 1328 с.

Приступая к общей характеристике фундаментального труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, следует, вероятно, подчеркнуть, что это прежде всего нетривиальная во всех отношениях работа, посвященная проблемным вопросам современной индоевропеистики. Многогранность обсуждаемой в ней проблематики и новизна многих авторских решений позволяют не сомневаться в том, что она окажет активное стимулирующее воздействие на развитие всего сравнительного — в широком смысле слова — языкознания, независимо от отношения к ней тех или иных исследователей. Вряд ли будет ошибкой сказать, что в этом труде содержится в какой-то степени итог более чем тридцатилетней работы ее авторов в области теории и истории языка.

«Настоящая книга, — отмечают авторы, — излагает результаты наших сравнительных исследований по индоевро-

пейским языкам и реконструкции праиндоевропейского языкового состояния, из которого и выводятся исторические индоевропейские языки. При этом праиндоевропейская система рассматривается в типологическом сопоставлении с другими языковыми системами, в особенности с системами смежных географических ареалов, с которыми праиндоевропейская система должна была находиться в определенных отношениях в течение длительного периода» (с. IX). Вместе с тем языковые данные исследуются «в тесной связи со всеми аспектами человеческой культуры» (там же), что делает значение работы выходящим далеко за пределы собственно языковедческой проблематики. Путь исследования от языка к обществу обозначается самой композицией книги.

В первой ее части (с. 1—428), рассматриваются ключевые вопросы прежде всего фонологической и морфологичес-